

Л. В. Колпина
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий
Белгородского государственного университета
(г. Белгород, Российская Федерация)

УДК 316.4.06

БАРЬЕРЫ КОНСОЛИДАЦИИ И ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА

На основе эмпирических данных региональных исследований анализируются проблемы, препятствующие процессам самоорганизации населения, его гражданской и политической активности. Обосновывается, что ключевыми барьерами социальной консолидации и гражданского активизма являются низкая эффективность механизмов взаимодействия граждан и их организаций с властью, неуправляемость и неподконтрольность населению ситуации на мезо- и макросоциальном уровнях; самоизоляция населения от гражданской и политической сфер; низкий уровень социального доверия, высокая сегментированность общества.

Ключевые слова: гражданский активизм, социальная консолидация, атомизированность, межличностное и политическое доверие, управляемость, подконтрольность ситуации, субъективные оценки востребованности, ключевые сферы жизнедеятельности.

Низкая гражданская активность россиян на протяжении уже не менее десятка лет является одной из наиболее дискутируемых в научных и общественно-политических кругах тем. И действительно, складывается парадоксальная ситуация. Дело в том, что в конце XX в. страну постиг глубочайший системный кризис, в результате которого она утратила и без того невысокий уровень социально-экономического развития, последовавшие за этим военные и межнациональные конфликты и теракты, рост криминала, снижение безопасности населения, рост социальной дифференциации, ... Можно продолжать перечень возникших проблем, имеющих катастрофические последствия для страны и россиян. И, тем не менее, «уровень социального протеста современной России несравним с тем, что мы можем сегодня наблюдать в странах Европы. Бушующая Греция. Выступления против пенсионной реформы во Франции, штурм офиса Консервативной партии студентами Англии — по сравнению со всем этим социальный активизм в России кажется просто несущественным» [1].

В демократическом обществе гражданская активность является важным механизмом системы «сдержек и противовесов» между обществом и государством, обеспечивающим баланс интересов тех и других, содействует формированию групп интересов, консолидации населения на решение общих проблем, его социальной интеграции и структуризации, тем самым выступая условием полноценной реализации населением гражданских прав и свобод, формирования гуманистического человекоориентированного общества и государства.

Вообще, активизм от лат. *activus* — активный — это взгляд, согласно которому сущность человека заключается не в созерцании, а в деятельном преобразовании внешнего мира [2]. Данное понятие в научном и общественно-политическом дискурсе обычно связывается с теми или иными формами социально-политической активности [3]; деятельностью активистов [4]; с функционированием гражданского

общества, его структур, институтов, в первую очередь, различных форм самоорганизации граждан [5; 6]; взаимодействием организаций гражданского общества с государством [7]; используется как синоним более привычных выражений: «общественная деятельность», «общественная работа», «общественное движение» [8].

В данной работе гражданский активизм рассматривается как спонтанная или целенаправленная инициативная деятельность индивидов или групп, ориентированная на социальные преобразования, решение общих проблем легитимными способами, а социальная консолидация — как явление и процесс объединения населения для решения актуальных проблем.

В связи с таким пониманием в нашей статье будут анализироваться следующие формы гражданского активизма и социальной консолидации:

1) индивидуальная деятельность (общественники), деятельность инициативных групп, негосударственных формальных структур, направленная на изменение социальной ситуации. Такая активность опирается исключительно на ресурс самоорганизации, социальные капиталы, заложенные в разноразноуровневых горизонтальных связях;

2) социальная активность, опосредованная взаимодействием с органами власти и управления. Такого рода активность, имея своей целью, в конечном итоге, влияние на те или иные политические решения, может носить созидательный (гражданская экспертиза, разработка предложений, сотрудничество по тем или иным вопросам, деятельность, основанная на делегировании полномочий органами власти определенных функций) или разрушительный, конфликтный характер (забастовки, акции протеста).

Парадоксальность ситуации состоит в том, что, несмотря на большую сложность социально-экономической ситуации в России в сравнении с западными странами, в отличие от них, здесь за последние годы, включая период глобального социально-экономического кризиса, можно по пальцам перечислить консолидированные действия россиян (монетизация льгот, массовые акции ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС, акции протеста водителей, отдельные выступления дачников ... — вот, практически, и всё, что приходит на память), направленные на изменения существующей ситуации.

Не лучше дела обстоят с такой институционализированной формой гражданского активизма как общественные объединения — формой самоорганизации населения, обеспечивающей структурированность социума, консолидацию граждан на решение общих проблем путем актуализации собственного социального капитала или через взаимодействие с органами власти, агрегирование и артикуляцию таким образом собственных требований. По данным Левада-центра на 2010–2011 гг. в общественных объединениях и организациях состоят не более 4–5 % населения [9].

Эта же проблема в микросоциальных практиках проявляет себя в неспособности населения самоорганизоваться по месту жительства, начиная от взаимодействия с управляющими жилищными компаниями и заканчивая организацией жизнедеятельности дома, двора, в целом; в слабом участии населения в деятельности воспитательных и учебных учреждений, в низком уровне ответственности за экологию, общественную безопасность и пр. Социологические исследования, реализованные в Белгородской области, позволили диагностировать схожую с общероссийской ситуацию, что вполне естественно.

Противоречие между минимизацией гражданской активности населения в ситуации, обуславливающей необходимость его социальной интеграции, когда, с одной стороны, практически любая сфера жизнедеятельности находится в критическом состоянии, а с другой, в условиях жесткого дефицита индивидуальных ресурсов у подавляющей части населения, ставит вопрос анализа барьеров консолидации и гражданского активизма.

Наиболее часто в их качестве называют атомизированность общества, отсутствие культуры участия, в том числе опыта самоорганизации и диалога с властью;

патернализм и традиционалистские установки, недостаточный уровень социального доверия, низкая структурированность и высокая сегментированность социума.

Соглашаясь с этими взглядами, дополним их результатами социологических опросов, реализованных в Белгородской области в 2009–2011 гг.¹ Действительно, если рассматривать атомизированность как результат реализации индивидуалистских социальных практик, преобладающей ориентации людей на себя, собственные интересы и ресурсы, то, как показало исследование «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе», подавляющее большинство опрошенных (58,8 %), оказавшись в трудной ситуации, рассчитывают только на самих себя.

И это вовсе не в ситуации достаточности индивидуальных ресурсов и эффективности социальных механизмов, обеспечивающих возможность успешной социальной адаптации. По данным того же исследования лишь 27 % населения региона можно отнести к материально обеспеченным людям (6,2 % респондентов, ответивших, что могут ни в чем себе не отказывать, и 20,8 % тех, кто не может купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытывает); менее трети — к базовому слою (денег хватает на продукты и одежду, иногда — на покупку бытовой техники — 28,3 %), и 44 % — к бедным (кому денег хватает на продукты, иногда — на покупку одежды — 26,0 %, и кому приходится экономить абсолютно на всем — 18,0 %).

В 2010 году, в период глобального социально-экономического кризиса, и без того сложное материальное положение ухудшилось, о чем сообщило 38,7 % опрошенных (в большинстве своем, представители наименее обеспеченных групп). Вследствие этого существенно выросла потребность в сторонней помощи, судя по ответам респондентов, в основном, от ближайшего окружения. О том, что выросла потребность в помощи со стороны родственников и друзей, сообщило 28,8 % и 20,4 % опрошенных соответственно. Причем практически треть (32,8 %) респондентов указали на очень большую значимость помощи со стороны родственников, друзей и соседей и невозможность компенсации получаемых от них ресурсов из собственных источников. Практически столько же — 31,8 % указали на существенность данной помощи, хотя и на возможность обойтись без нее. Всего лишь 17,7 % респондентов отметили несущественность подобной помощи, и столько же затруднились с оценкой.

Незначительно выросла потребность в помощи со стороны коллег по работе и/или учебе (у 11,4 %), знакомых (9,0 %); соседей (8,7 %); руководства по работе (8,5 % респондентов). Соответственно и значения ожидания от них помощи в трудной ситуации невысоки (от руководства организации, в которой работают — 4,7 %, соседей 11,8 %, коллег по работе 12,3 %).

Социальный капитал «организованных» типов негосударственных связей и отношений, другие негосударственные механизмы успешной социальной адаптации также не были актуализированы, и, более того, даже не берутся в расчёт. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, оказавшись в трудной ситуации, на помощь общественных организаций рассчитывает 1,5 % опрошенных, религиозной общины, землячества — 1,2 % (для сравнения: на помощь членов семьи, родственников — 74,7 %, друзей, знакомых — 51,2 %). Что же касается динамики востребованности населением их помощи в период социально-экономического кризиса, то здесь

¹ Эмпирической основой статьи являются результаты двух социологических исследований. Первое — авторский социологический опрос «Социальное здоровье населения Белгородской области» (2009 год, N = 700 человек). Отбор респондентов осуществлялся по методике квотной выборки, в качестве параметров которой выделялись возраст, пол и тип поселения. Второе исследование, реализованное с участием автора: «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» (рук. — доц. Е. В. Реутов); поддержанное грантом Министерства образования и науки РФ в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. № 1173. Сбор первичной информации проходил в два этапа: 1 этап — массовый анкетный опрос (апрель–май 2010 г., N = 1000, отбор респондентов осуществлялся по методике квотной выборки, в качестве параметров которой выделялись возраст, пол и тип поселения); 2 этап — серия полуструктурированных интервью (апрель 2011 г., N = 51).

наблюдается нулевая либо отрицательная динамика при очень высокой доле затруднившихся с ответом.

Таким образом, в условиях жесткой нехватки индивидуальных ресурсов можно констатировать выраженную атомизированность населения, при слабой включенности в институциональные структуры с минимизацией использования, пользуясь классификацией Р. Патнэма [Цит. по: 10, с. 53.], «включающего» социального капитала (коллеги, знакомые, партнеры), обеспечивающего рост по социальной лестнице и при преимущественной опоре на родственно-дружеские связи.

Эта ситуация была бы объяснима в условиях эффективности государственных и муниципальных структур или достаточности ресурсов кровнородственных и дружеских связей для обеспечения успешной социальной адаптации. Но на вопрос о том, в какой мере государство, местные власти выполняют свои обязанности по отношению к населению, только 14,2 % сообщило, что «в достаточной», тогда как 63,4 % — «в недостаточной» и 22,4 % затруднились ответить. А оказавшись в трудной ситуации, на помощь государственных и муниципальных органов рассчитывает только 4,5 % опрошенных (в период социально-экономического кризиса возросла потребность в их помощи только у 5,7 % опрошенных).

Также вызывает сомнение возможность принципиального изменения социально-экономического статуса большей части населения путем привлечения только ресурсов родственно-дружеских связей. В первую очередь, для тех 44 % опрошенных, кто составляет группу бедных, и кого, по данным нашего исследования, ухудшение коснулось более всего, поскольку их родственно-дружеские связи преимущественно малоресурсны. Авторы исследования «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008 г.) отмечают, что распределение по социальным слоям тех, кто имеет надежных друзей, характеризуется определенной спецификой: благополучным слоям населения «везет» в этом отношении больше всех [11].

Да и в целом, по данным как нашего, так и упомянутого исследования, наиболее распространенные практики межличностной поддержки (психологическая поддержка, помощь советом — 63,5 %, транспортом, в ремонте или строительстве, на садово-огородном участке, безвозмездная материальная помощь — значения помощи находятся в диапазоне 23–25 %) не обеспечивают реального улучшения социально-экономической ситуации для подавляющей части населения, «... ведь самыми распространенными видами помощи являются не те, что способны изменить жизненную траекторию в долгосрочной перспективе...» [11], а только поддерживающие «на плаву». Об оказании видов помощи, которые могут существенно изменить ситуацию, говорит минимальное число опрошенных (помощь в трудоустройстве, поиске работы — 8,2 %; оказание профессиональной консультации и услуг — 7,4 %; содействие в доступе к должностным лицам, органам власти для решения собственных проблем — 5,7 %).

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что существуют все предпосылки для мобилизации населения на консолидированные действия и усиление гражданского активизма: нехватка индивидуальных ресурсов для социальной адаптации у его существенной части, массовый характер этого явления, низкая «капиталоемкость» большей части социальных связей, неэффективность государственных и негосударственных структур и институтов, в задачи которых входит содействие социальной адаптации населения, недовольство граждан деятельностью органов власти.

Тем не менее, социальные практики как бы застыли на уровне межличностных отношений и индивидуальной взаимопомощи. Реализуемые в пределах малого социального радиуса, они не перерастают в те или иные формы социальной самоорганизации и общественной активности. Население не склонно решать проблему дефицита индивидуальных ресурсов через те или иные формы консолидированных действий, о чем свидетельствует, в первую очередь, практически полное отсутствие

таковых в Белгородской области (хотя следует упомянуть об активизировавшемся как в Белгородской области, так и в России движении «За честные выборы» в связи с последними выборами в Государственную Думу РФ). Одновременно с этим, граждане не склонны решать свои проблемы и через негосударственные структуры и институты.

По данным того же опроса только 37,7 % респондентов являются участниками тех или иных негосударственных объединений (21,8 % — профсоюзов, 6,7 % — политических партий, 3,2 % — религиозных общин, 2,2 % — землячеств, 3,8 % — других общественных организаций). Но, как следует из ответов респондентов, для 51,8 % такое членство является формальным, и еще 12,5 %, — затруднились ответить на данный вопрос, что, видимо, позволяет их отнести также к группе последних. И только 35,7 % участников общественных объединений ощущают реальную пользу от своего членства в них.

Что служит барьерами в объединении людей для решения общих проблем, актуализации ресурсов разноуровневых горизонтальных связей и отношений? Что мешает развитию гражданской активности, участия в общественной деятельности?

По данным исследования «Социальное здоровье населения Белгородской области», 44,5 % опрошенных заявили, что хотели бы полнее раскрыть себя в общественной деятельности (помощь социально незащищенным, благоустройство территории, защита прав граждан и пр.). Но совокупный процент, кто не хотел бы (30,4 %), и тех, кто затруднился ответить (25,1 %), свидетельствует о том, что более половины населения не рассматривает для себя такой возможности. И при этом только 8,2 % сообщили, что участвуют в общественной деятельности.

Данные интервью в рамках исследования «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» показали, что многие люди демонстрируют положительное отношение к общественникам, в то же время, достаточно часто отмечая их небольшое число. «Скажите, как Вы относитесь к тем людям, которых называют «общественниками»? — «С уважением отношусь ... К сожалению, нет таких людей. Я бы с удовольствием познакомилась с такими товарищами, которые имеют свою твердую гражданскую позицию, заинтересованы в решении каких-то проблем, не только своих; которые могут организовать людей для решения какой-то проблемы» (женщина, 34 года, преподаватель вуза, областной центр); «Ну что сказать? Конечно, у них есть вот эта жилка, огонь что-то сделать для общества, как-то растолкать. Мало таких людей, у которых есть желание помимо своей семьи, работы. Еще они горят общественной жизнью. Им можно позавидовать, побольше бы таких!» (женщина, 38 лет, воспитатель, райцентр). — «Есть ли в Вашем окружении такие люди?» — «Нет» (мужчина, 25 лет, областной центр); «Не знаю я. По крайней мере, таких людей не знаю. Сейчас, может, они где-то и есть» (женщина, экономист, 26 лет, село); «В моем окружении [общественников] нету, в моем окружении все домашние, семейные» (мужчина, 37 лет, механизатор, село).

Те, кто отрицательно относятся к общественникам и общественной деятельности, основной негатив связывают с беспринципностью, меркантильностью, «показушностью», низким профессионализмом таких людей. — «Если они настоящие общественники, а не выскочки, которые хотят показать себя деятелями. Вот такие мне нравятся» (женщина, 62 года, пенсионер, райцентр); «С уважением, и очень большим уважением. Но отрицательно, потому что у этих людей цели и меры, принимаемые ими, не приносят результата, или приносят отрицательный результат» (мужчина, 59 лет, инженер-строитель, райцентр); «Есть всякие в моем окружении, но таких людей я, можно сказать, ненавижу. К этим людям я отношусь плохо, потому что они ненадежны, это так, «перекати поле» (мужчина, пенсионер, 71 год, село); «Насколько я знаю, даже по своему дому, в котором я живу, эти общественники все куплены» (мужчина, 48 лет, военнослужащий, областной центр); «Ну, люди — общественники ... Честно говоря, [отношусь] не очень хорошо» (женщина, 21 год, студентка, областной центр).

Иногда респонденты сообщают, что уже занимаются такой деятельностью. — «Могли бы Вы сами стать таким общественником?» — «Я и так общественник» (мужчина, 40 лет, учитель, село); «Иногда возникают такие ситуации, что приходится проявить инициативу и взять на себя ответственность за организацию какого-то дела. Это бывает, но редко» (женщина, 48 лет, учитель, село).

Некоторые опрошенные оговаривают специфический контекст такой общественной активности. — «Могли бы Вы сами стать таким общественником?» — «Думаю, что да. В ситуации, когда все молчат» (мужчина, студент, 22 года, областной центр); «Мог бы, если захотел бы. Скорее всего, в ситуации, если бы мои права нарушались, или вопросы, которые задевали бы меня, моих близких людей — можно было бы стать общественником» (мужчина, 23 года, студент, райцентр).

Результаты интервью позволяют сделать вывод, что для значительного числа людей общественная деятельность окрашена позитивно. Это дает возможность утверждать в качестве причины низкого гражданского активизма неэффективность решения проблем таким образом.

В исследовании «Социальное здоровье населения Белгородской области» на вопрос о том, «Что препятствует Вашему участию в общественной деятельности?» (можно было выбрать не более 3 вариантов ответа), наибольшее число респондентов указало на недостаток времени (47,5 %) и неверие в возможность решения проблем таким способом (35,7 %). Примерно каждый пятый сообщил об отсутствии интереса к общественной деятельности (23,3 %), о недостатке единомышленников (20,2 %) и незнании как ее организовать (19,8 %). Еще 16,5 % опрошенных сказали, что не знают, что это такое, зачем это нужно; 12,7 % — не знают, где и в чем могли бы найти применение своим силам.

Недостаток времени на общественную деятельность действительно имеет место, особенно в ситуации, когда население вынуждено тратить большую его часть на зарабатывание средств к существованию. Однако способ распределения времени — вопрос ценностей и приоритетов. Поэтому уместно задаться вопросом: насколько важна эта деятельность в ценностном и инструментальном аспектах?

О том, что добиться признания в общественной деятельности очень важно, по данным того же опроса, сообщило 22,1 %, и еще 42,3 % — что, достаточно важно. Обращает на себя внимание тот факт, что отрицательных ответов на данный вопрос даже больше, чем положительных — 26,5 %. Что же касается макросоциального уровня участия населения, то здесь дела обстоят еще хуже. Считают для себя важным быть причастным к управлению обществом только 13,4 % респондентов, достаточно важным — 29,6 %, тогда как неважным — 39,9 %; 17,0 % — затруднились ответить на этот вопрос. Невысокие значения важности *общественной деятельности в большей мере индицируют соответствующий потенциал микрогрупповой консолидации, тогда как политического участия — макрогрупповой консолидации*. И этому есть объяснение, связанное, по нашему мнению, с низкой инструментальной оценкой такой деятельности.

По данным того же исследования, к числу наиболее эффективных средств влияния на ситуацию, решение индивидуальных и общих проблем, население относит личную помощь конкретным людям и структурам (ее индекс эффективности равен 0.5). (табл. 1)

Усредненный индекс эффективности общественных институтов (правозащитные и благотворительные организации, профсоюзы, территориальное общественное самоуправление) значительно ниже — 0.36, как и таких политических институций как участие в выборах, референдумах; общественное обсуждение законов. Индекс эффективности обращений в СМИ — 0.33, участия в политических партиях — 0.22. Самые низкие значения эффективности имеют протестные формы решения проблем (митинги, демонстрации, забастовки). Их индекс эффективности равен 0.21. Последнее объясняет минимизацию протестных акций даже в наиболее кризисные в социально-экономическом плане моменты жизни страны.

Таблица 1.
Считаете ли вы эффективным средством влияния на ситуацию, решение
личных и общественных проблем (%)

	Да	Отчасти	Нет	Затрудняюсь ответить	И ²
Благотворительную деятельность	28,1	33,5	6,0	12,3	0,45
Деятельность правозащитных организаций	26,8	40,4	21,2	11,6	0,47
Коллективные обращения в органы власти	26,3	41,0	21,8	10,9	0,47
Индивидуальные обращения в органы власти	18,2	37,5	32,4	11,9	0,37
Личную помощь конкретным людям, структурам	32,6	34,3	17,7	15,1	0,50
Участие в выборах, референдумах	25,9	29,5	33,5	10,9	0,41
Общественное обсуждение законов	18,6	25,0	42,6	13,6	0,32
Участие в деятельности политических партий	10,6	23,7	47,5	18,2	0,22
Участие в деятельности профсоюзов	12,2	26,0	45,0	16,8	0,25
Участие в митингах, демонстрациях, забастовках	8,5	24,6	54,5	12,5	0,21
Обращение в СМИ	15,8	35,3	34,1	14,8	0,33
Участие в территориальном общественном самоуправлении (ТОС)	13,7	30,1	36,4	19,7	0,29
Обращение в суд	32,1	40,9	17,3	9,7	0,52
Обращение в милицию	22,2	37,4	31,1	9,30	0,41
Обращение к друзьям, родственникам	45,1	37,0	8,8	9,2	0,63
Другое	15,3	11,4	22,4	51,0	0,28

Указанные данные свидетельствуют о практически полном отсутствии эффективных институциональных механизмов решения общих проблем. Это подтверждается и оценками доступности для населения тех или иных учреждений, объединений (табл. 2). Единственную оценку доступности, несколько превышающую средний уровень, население дает органам МСУ (Индекс доступности равен 0.56). Но учитывая, что местное самоуправление представляет собой самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения определенной территории по решению вопросов местного значения исходя из интересов населения, то такой показатель доступности следует считать низким. Еще более низкие оценки доступности респонденты дают «гражданским» структурам — профсоюзам (0.50), общественным организациям (0.48), ТОСам (0.44). Наиболее низкими оказались индексы доступности общественных приемных политических партий (0.39), региональных органов власти (0.37) и депутатов (0.32).

Таким образом, необходимо констатировать отсутствие институциональных механизмов решения общих проблем, в результате чего «три четверти населения считают себя ни в каком отношении не влиятельными на любом социальном и политическом пространстве за пределами собственного дома ... Даже в собственном доме (имеется в виду городской многоквартирный дом) большая часть населения не может влиять на ситуацию, не говоря о городе или селе, регионе, стране, в которой люди живут» [12].

² Индекс (И) рассчитывался как сумма ответов («да» + «отчасти»*0,5) / 100 %.

Таблица 2.

Как Вы считаете, насколько доступны для населения

	В полной мере	Не в полной мере	Мало доступны	Затрудняюсь ответить	И
Региональные органы управления	19,9	34,4	32,5	13,1	0,37
Органы местного самоуправления (МСУ)	42,60	27,5	21,4	8,5	0,56
Органы ТОС	28,9	29,6	20,9	20,7	0,44
Профсоюзы	37,7	24,7	15,8	21,8	0,50
Общественные организации	36,0	24,1	17,2	22,7	0,48
Депутаты различных уровней	18,1	27,8	32,6	21,6	0,32
Общественные приемные политических партий	28,3	21,6	23,7	26,4	0,39

Исследование социального здоровья населения в Белгородской области позволило зафиксировать низкие значения управляемости, подконтрольности для индивида ситуации практически во всех сферах социальных отношений, кроме родственно-дружеской. Опираясь на данные, представленные в табл. 3, можно судить о том, что, кроме последней, ситуацию, как, скорее управляемую, чем неуправляемую, население рассматривает только в трудовом или учебном коллективе.

Таблица 3.

Зависят ли от Вас: (%)

	В большой мере	Незначительно	Нет	Затрудняюсь ответить	И ³
Отношения в семье	76,7	15,8	2,5	4,9	0,85
Отношения с друзьями	53,7	35,0	6,00	5,3	0,71
Отношения с соседями	29,7	36,2	24,2	9,9	0,48
Отношения в коллективе	40,1	37,4	14,0	8,5	0,59
Благоустройство и жизнедеятельность дома, двора, улицы	29,3	37,3	24,7	8,7	0,48
Деятельность местного самоуправления, местной власти	7,0	24,7	57,6	10,7	0,19
Ситуация в городе, поселке	5,2	22,3	62,6	9,9	0,16
Политические процессы, происходящие в государстве	4,6	16,7	70,6	8,1	0,13
Ситуация в мире в целом	5,5	9,8	72,4	12,2	0,15

Если представить графически субъективные оценки зависимости от граждан ситуации в мире, политических процессов, происходящих в государстве, ситуации в городе (поселке), местном самоуправлении, во дворе, то видно, что сравнительно высокие значения влияния, принципиально отличающиеся от всех других, находятся только в сфере благоустройства двора. Все остальные оценки влияния соизмеримы

³ Индекс рассчитывался как сумма ответов («в большой мере» + («незначительно»*0,5)) / 100 %.

и одинаково низки. Значит, население рассматривает свой потенциал влияния на ситуацию в мире как практически равный потенциалу влияния на деятельность центральных, региональных и даже местных органов власти, что является чрезвычайно негативным маркером. А уже привычно лидируют по степени подконтрольности и возможности влияния отношения в семье и с друзьями.

Обратной стороной ситуации, когда люди не видят возможности влиять на большинство ключевых сфер жизнедеятельности, является то, что они не чувствуют себя в них востребованными и нужными. Так, если полностью в семье ощущают свою востребованность 85,1 % (11,2 % — в определенной степени, 2,5 % — не ощущают), а среди друзей 49,7 % (42,4 % — в определенной степени, а 4,6 % — не ощущают), то в общественной жизни, профессиональной деятельности и в участии в управлении государством число тех, кто не ощущает свою востребованность, значительно выше тех, кто ощущает. В профессиональной (учебной) сфере в полной мере ощущают востребованность 33,6 % (отчасти — 42,6 %, не ощущают — 8,0 %); в общественной жизни в полной мере — 18,4 % (отчасти — 44,6 %, не ощущают — 25,7 %); в управлении государством в полной мере чувствуют себя востребованными — 7,1 % (отчасти — 18,0 %, не чувствуют — 60,2 %). К тому же, где наибольшее число отрицательных ответов, там больше всего тех, кто затруднился ответить.

Естественно, готовность людей вкладывать собственные ресурсы, капиталы в те или иные отношения в большой мере опосредуются их управляемостью, полезностью, отдачей. *Описанная выше ситуация, детерминирует смещение активности личности с макросоциального уровня на более «отзывчивый», «восприимчивый», реагирующий на воздействие человека микроуровень, стимулирует увеличение значимости именно этого типа отношений.*

Компенсаторная ориентация на кровнородственные связи препятствует широкой общественной консолидации и отрицательно влияет на развитие социума. Подтверждением этому стало и исследование Фонда «Общественное мнение»: «Российский георейтинг: социальный капитал субъектов РФ» (2007–2008 гг.), которое показало выраженную положительную зависимость между развитием гражданской культуры, удовлетворенностью респондентами положением дел в своих городах и степенью доверия в отношении малознакомых людей, и отрицательную — относительно того же, но в ситуации превалирующего доверия только к кругу близкородственных связей и круга ближайшего общения [13].

Низкая «отдача» мезо- и макро- социальных отношений, неэффективность вложения в них энергии и ресурсов населения служит как причиной, так и следствием его атомизации, индивидуализации, низкой способности к самоорганизации, солидаризации в решении проблем. Следовательно, активизация потенциала гражданского активизма связана, в первую очередь, с формированием эффективных социальных механизмов, обеспечивающих результативность такого рода деятельности.

Возникает вопрос: если люди не участвуют в деятельности общественных организаций, в митингах, акциях, не вступают в политические организации, то, что является причиной их представлений о низкой эффективности такого рода деятельности; негативных установок относительно коллективных форм взаимодействия с властью, решения проблем на основе самоорганизации и активизации «включающего» социального капитала?

По-видимому, ответ на этот вопрос лежит в установках на доверие и солидарные действия.

Межличностное и политическое доверие, как элементы обобщенного доверия, определяемого нами как установка в межличностных и социальных отношениях, основанная на позитивном опыте реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций, напрямую обуславливает социальную активность субъекта, что подтверждается рядом теоретических и эмпирических

исследований. Если межличностное доверие в большей мере обуславливает процессы самоорганизации населения для самостоятельного решения проблем, с опорой на собственные ресурсы и капиталы, то политическое доверие — гражданский активизм в сфере политического управления, путем взаимодействия с органами власти.

Прежде чем перейти к анализу уровня доверия, подчеркнем, что данные исследования «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» позволили зафиксировать прямую зависимость между наличием установки на доверие большинству людей и субъективными оценками востребованности, нужности в разных типах отношений, а также между межличностным и политическим доверием, что доказывает необходимость анализа их в «единой связке» [14, с. 116, 132–133].

В целом, данные указанного исследования позволяют судить о том, что социальная ситуация в регионе в целом характеризуется преобладанием настороженного, недоверчивого отношения к людям. Так, на вопрос «Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?» положительно ответили 33,1 % респондентов, отрицательно — 51,5 %, затруднились с ответом — 15,4. Индекс обобщенного доверия, высчитанный как разница между позитивными и негативными ответами, имеет отрицательное значение и равен -18,4.

Замер дескриптивного уровня доверия, определяемого посредством вопроса-индикатора «Вы доверяете или не доверяете ... (с указанием конкретных адресатов)», показал, что он снижается по мере увеличения масштаба социальных связей, а индекс доверия имеет положительное значение только на микросоциальном уровне. Так, большинству жителей дома, своего и соседнего двора (для поселка и села — улицы) в целом доверяют 47,3 % респондентов (из них 13,2 % однозначно ответили на данный вопрос, 34,1 % — «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют — 41,7 % (14,1 % — однозначно не доверяют, 27,6 % — «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 11,0 % опрошенных. Итоговый индекс доверия составил 5,6. Это единственный уровень доверия, где позитивные оценки, хотя и незначительно, но преобладают над негативными.

С увеличением социального радиуса отношений, индексы доверия только снижаются. Большинству жителей города (поселка, села) доверяют в целом 27,5 % (из них 4,2 % однозначно ответили на данный вопрос, 23,3 % — «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют — 58,6 % (21,1 % — однозначно не доверяют, 37,5 % — «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 14,0 % опрошенных. Итоговый индекс доверия составил (-)31,1.

Низкий уровень межличностного доверия, замыкание отношений на коротких связях делают восприятие окружающего мира как чужого, непонятного, с неясными намерениями. Тогда как менее половины опрошенных (44,9 %) на вопрос: «Чего больше среди людей из ближайшего окружения — согласия, сплоченности или больше несогласия, разобщенности?» сообщили о преобладании согласия и сплоченности, то, в сумме, более половины указали на обратное (28,8 %), или затруднились ответить на данный вопрос (26,3 %), что, так или иначе, является показателем неготовности к солидарным действиям.

Не компенсирует недостаток доверия и солидарности на межличностном уровне и доверие к политическим структурам, которые могло бы выполнять мобилизующую и консолидирующую роль.

Уровень политического доверия определялся вопросами-индикаторами «Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете: руководству города (района, поселения) ... руководству области ... руководству страны?». Руководству города (района, поселения) в целом доверяют 25,0 % респондентов (из них 5,4 % однозначно ответили на данный вопрос, 19,6 % — «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют — 59,3 % (27,3 % — однозначно не доверяют, 32,0 % — «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 15,7 % опрошенных. Итоговый индекс доверия (-)34,3.

Руководству области в целом доверяют 24,2 % респондентов (из них 6,1 % однозначно ответили на данный вопрос, 18,1 % — «скорее да, чем нет»). В целом

не доверяют — 58,9 % (28,5 % — однозначно не доверяют, 30,4 % — «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 16,9 % опрошенных. Итоговый индекс доверия составил (-)34,7.

Как ни парадоксально, но уровень доверия политическому руководству страны несколько выше — его индекс равен (-)10,7. Руководству страны в целом доверяют 35,9 % респондентов (из них 11,5 % однозначно ответили на данный вопрос, 24,4 % — «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют — 46,6 % (22,9 % — однозначно не доверяют, 23,7 % — «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 17,5 % опрошенных.

Низкий уровень доверия населения друг к другу и к власти делает невозможным его объединения ни на межличностном уровне, ни на основе «национальной» идеи или общих целей, предлагаемых политическими лидерами.

До сих пор мы говорили о барьерах гражданского активизма и консолидации населения, в основном опираясь на анализ установок общественного сознания (на доверие, в отношении солидарных действий, взаимодействия с людьми и институтами) и субъективные оценки граждан относительно своей роли в социальных связях и отношений, уровня подконтрольности и управляемости ситуации в различных сферах жизнедеятельности и т. п. Но исследование «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» выявило и наличие объективных причин атомизации и социальной дезинтеграции населения.

Подробный анализ этой проблемы был дан в статье «Социоэкономические детерминанты социального капитала населения региона» [15]. Поэтому здесь лишь отметим основные выводы. Наиболее значимые различия по уровню социального доверия, специфике прибегания к тем или иным социальным связям, конвертации «горизонтального» и «вертикального» социального капитала, субъективным оценкам востребованности, другим характеристикам, коррелируют со значениями уровня материального благосостояния. Материальное положение индивида является ключевой детерминантой, определяющей доступ к общественно значимым благам, уровень и характер социальной активности населения, социальные практики и возможности социальной мобильности. И, если, например, обеспеченные группы населения конвертируют социальный капитал в финансовый и образовательный, обеспечивающие активные формы социальной адаптации, то менее обеспеченные — в ресурсы, позволяющие только поддерживать существующий образ жизни и реализовывать пассивные формы социальной адаптации.

В большинстве случаев непреодолимый разрыв между богатыми и бедными, в ситуации, когда материальный достаток вступает наиболее важным, и часто, единственным фактором социальной успешности и социальной мобильности, делает межстратовые перегородки трудно преодолимыми, различные социальные сети — малопроницаемыми друг для друга, тогда как «сужение социального капитала до кровнородственных связей, причем, не обладающих значительными ресурсами, в конечном итоге обуславливает «консервацию этих слоев».

Таким образом, развитию «длинных» связей, обуславливающих консолидацию населения в противовес замыкания на коротких связях, препятствует низкая проницаемость социальных перегородок, связанная с тем, что ключевым фактором способности проникновения в другие социальные группы, является практически единственный признак — уровень материального благосостояния.

Низкий уровень влияния населения на общественно-политическую сферу, наряду с ощущением собственной невостребованности, ненужности в ней нивелируют мотивы гражданского и политического участия, а неэффективность механизмов влияния на нее, обусловили самоизоляцию населения из сфер гражданской самоорганизации и политического управления и «уход» в наиболее управляемые и предсказуемые — родственно-дружеские отношения с высоким ощущением востребованности и нужности. Как справедливо подчеркнул В. Федоров, «другого

прибежища у русского человека уже не осталось, только семья. Не нация, не партия, не мир в целом — а только семья» [16].

В итоге отметим, что все анализируемые в статье явления тесно переплетены между собой. Исследование еще раз подтвердило важность преодоления барьеров гражданской самоорганизации и солидаризации, среди которых наиболее важными, на наш взгляд, являются:

— низкая эффективность механизмов взаимодействия граждан и их организаций с властью, неуправляемость и неподконтрольность населению ситуации на мезо- и макросоциальном уровне;

— самоизоляция населения из гражданской и политической сфер активности с компенсаторным уходом в кровнородственные связи и отношения и замыкание на них;

— низкий уровень межличностного и политического доверия,

— стратификация населения по практически единственному признаку (уровню материального благосостояния, при условии минимизации возможностей его принципиального изменения для подавляющей части населения), что обуславливает малую проницаемость перегородок для социальной мобильности населения и взаимопроникновения социальных сетей.

Список использованных источников

1. Клеман, К. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. [Электронный ресурс] / К. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов. — М. : Три Квадрата, 2010 [Madan]. — URL : <http://madan.org.il/node/248>
2. Активизм [Электронный ресурс] Философский словарь. Онлайн словари русского языка и энциклопедии :: OnlineDics.Ru. — URL : <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/a/aktivizm.html>.
3. Омельченко, Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла [Текст] / Е. Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. — 2005. — Том 3. — № 1. — С. 59–86.
4. Активизм [Электронный ресурс] Большой толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова [Репетитор по английскому языку в Санкт-Петербурге]. — URL : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-508.htm>.
5. Мардарь, И. Б. Трансформация социального активизма (на примере города Новочеркасск) [Текст] : автореф. на соискание учен. степени канд. социол. наук : спец. 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» / И. Б. Мардарь. — М., 2009. — 30 с.
6. Яницкий, О. Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас [Электронный ресурс] / О. Яницкий // Неприкосновенный запас. — 2007. — № 2 [Журнальный зал]. — URL : <http://magazines.russ.ru:8080/nz/2007/2/ia3.html>.
7. Усачева, О. А. Экологический активизм в постсоветской России и западном мире (сравнительный анализ) [Текст] / О. А. Усачева // Социологические исследования. — 2011. — № 3. — С. 23–31.
8. Активизм [Электронный ресурс] Энциклопедия кино RuData. — URL : <http://www.rudata.ru/wiki/Активизм>.
9. Волков, Д. Перспективы гражданского общества в России [Электронный ресурс] / Д. Волков [Левада-центр, 2011]. — URL : http://www.levada.ru/sites/default/files/levada_civil_society_2011_report.pdf.
10. Козырева, П. М. Межличностное доверие в процессе формирования социального капитала [Текст] / П. М. Козырева // Социологические исследования. — 2009. — № 1. — С. 43–54.
11. Социальный капитал малообеспеченных слоев [Электронный ресурс] / Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации (Москва, 2008) [Институт социологии Российской академии наук]. — URL : http://www.isras.ru/index.php?page_id=808.

12. Дубинин, Б. Характер массовой поддержки нынешнего режима [Электронный ресурс] / Б. Дубинин // Левада-Центр. — URL : <http://www.levada.ru/press/2010022406.html> [24.02.2010].
13. Полищук, Л. Миф о социальном капитале России [Электронный ресурс] / Л. Полищук, Р. Меняшев // Forbes.ru. — URL : <http://www.forbes.ru/-column/54307-mif-o-sotsialnom-kapitale-rossii> [10.08.2010; 19:31].
14. Колпина, Л. В. Социальные сети и формирование социального капитала (региональный аспект) [Текст] / Л. В. Колпина, Е. В. Реутов. — Lap Lambert Academic Publishing, 2011. — 361 с.
15. Колпина, Л. В. Социальноэкономические детерминанты социального капитала населения региона [Текст] / Л. В. Колпина, Е. В. Реутов // Університетські наукові записки. — 2011. — № 2. — С. 459–469.
16. Федоров, В. Семья — последнее прибежище русского человека [Электронный ресурс] / Валерий Федоров [ВЦИОМ]. — URL : <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=13657> [09.07.2010].

Надійшла до редакції 01.02.2012

Колпина Л. В. Бар'єри консолідації та громадянського активізму

На основі емпіричних даних регіональних досліджень аналізуються проблеми, що перешкоджають процесам самоорганізації населення, його громадянської та політичної активності. Обґрунтовується, що ключовими бар'єрами соціальної консолідації і громадянського активізму є низька ефективність механізмів взаємодії громадян і їх організацій із владою, некерованість і невідконтрольність населенню ситуації на мезо- і макросоціальному рівнях; самоізоляція населення від громадянської та політичної сфер; низький рівень соціальної довіри, високе сегментування суспільства.

Ключові слова: громадянський активізм, соціальна консолідація, атомізованість, міжособистісне і політичне довіру, керованість, відконтрольність ситуації, суб'єктивні оцінки затребуваності, ключові сфери життєдіяльності.

Kolpina, L. V. Barriers of Consolidation and Civil Activism

On the basis of the empirical given regional researches the problems, interfering processes of self-organizing of the population, its civil and political activity are investigated. It is proved that key barriers of social consolidation and civil activism are: low efficiency of mechanisms of interaction of citizens and their organizations with the power, uncontrollability and low a submission to control to the situation population on mезо — and macrosocial levels; self-isolation of the population from civil and political spheres; low level of social trust, low permeability of social partitions.

Key words: Civil activism, social consolidation, dissociation, interpersonal and political trust, controllability, a situation submission to control, demand value judgment, key spheres of ability to live.

